

Андрей ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ МАЛЬЧИК

Париж: Пако Рабанн — Андрей Бартенев

Независимая газ. — 1994 — 15 сент. — С. 7.

Татьяна Байдакова

Мастерская

«В определенный момент жизни мне явилось такое знание, что намного интереснее познавать мир по своему собственному пути, а не по пути, пройденному другими. Например, дадаизм все исчерпал в экспериментировании с коллажем, а Матисс и американский поп-арт поставили в этом деле точку. Но мне мои маленькие открытия дороже тех искусствоведческих талмудов, которые об этом написаны».

АНДРЕЙ Бартенев — уже далеко не новое имя на столичном художественном небосклоне. Впервые он появился летом 1991 года с выставкой «Случайная добыча больной мумии» в галерее «М'АРС» и с тех

монтировали два дня, а когда наконец прошел показ, откуда-то сверху, из-за кулис, раздался голос: «Is it collection? Creasy! Wonderful!» Это был Рабанн. Он хотел, чтобы Бартенев поехал обучаться в Эсмунд, на стажировку у одного из ведущих французских вышивальщиков. Поездка не состоялась по традиционным объективным, а также субъективным причинам: хотя Андрей совершенно не владеет портновским искусством, обучение шитью и изготовлению лекал ему вряд ли пригодилось бы, потому что он — конструирующий прикладник. Гораздо в большей степени его заинтересовали два завидных для российского художника проекта, уже разрабатываемых Пако Рабанном. Первый — это большое шоу на площади перед музеем современного искусства Помпиду под названием «Пако Рабанн — Андрей Бартенев», ознаменующее 60-летие мэтра французского авангарда и 30-летие его творче-

Это было у моря.

пор регулярно напоминает о себе новыми коллекциями моделей-объектов.

Он не хочет называться ни дизайнером, ни модельером, ни постановщиком перформансов. Побывав в жизни и тем, и другим, и третьим, а также преподавателем, актером, моделью, костюмером и театральным режиссером, он не перестает считать себя всего лишь художником-графиком.

Пять коллекций было создано за три года Бартеневым и его коллективом, который постоянно варьируется и состоит в настоящее время из тридцати художников и конструкторов. Объекты, составляющие коллекции, являются пространственной версией бартеневских коллажей и графических работ, погруженных к тому же в среду спектакля. Трудно назвать показом мод вынос на подиум трехметрового объекта, напоминающего по своей стилистике скорее архитектурные сооружения Гауди, нежели какой-либо элемент костюма. Такое представление — это именно перформанс, берущий начало из русских авангардистских театральных постановок 20-х годов (Таиров, Мейерхольд, Крученых и Малевич), когда на сцене сплавлялись воедино хореографические, постановочные, конструктивистские школы. Идеал, к которому стремится Бартенев, — это сегодняшний вариант театра Мейерхольда, где в центре действия находится некая инсталляция, а в ней в каком-то пластическом рисунке двигаются различные объекты. И эта схема одинакова как для драмы, так и для балета или оперы. Подобный опыт уже имел место в истории мирового театра, но Андрей предпочитает составлять мозаику познания из собственных проб. Так что, хотя перформанс появился в Москве и Ленинграде еще в 70-х годах, шоу такого характера, когда совмещаются пластика, драматургия, коллаж и даже инженерия, Бартенев стал делать впервые.

Андрей Вознесенский посвятил своему тезке строчки: «Всех партийных и беспартийных пришел одеть Андрей Бартенев». Конечно, слово «одеть» употреблено тут довольно образно, потому что коллекции Бартенева из картона, целлулоидных игрушек, крафта или пластиковых пищевых упаковок не имеют ни малейшего отношения к моде прет-а-порте.

Его кумиры среди дизайнеров одежды — Жан-Поль Готье и Пако Рабанн. Знакомство с последним принесла Бартеневу Ассамблея неукротенной моды, проходившая в Риге в мае этого года, где коллекция Андрея «Снежная королева» получила специальный приз. На ассамблее она была самой большой по габаритам, ее

ской деятельности. Это событие, естественно, будет значительным не только для Парижа, но и для всей Франции. Второй проект — персональные выставки Бартенева в Париже с показом крафтовой коллекции «Движение саванны». Предположительно, это будет происходить в галерее, которую содержит госпожа Миттеран.

Много идей коренится у Бартенева и на родной почве, но он человек стихийный, находящийся в постоянном внешнем и внутреннем движении, поэтому даже ему самому неизвестно, когда он их воплотит, что будет первым, а что — последующим. Он хочет попробовать себя как модельер: создать коллекцию одежды в буквальном смысле этого слова. Когда-нибудь он попытается побыть архитектором, чтобы выстроить белый храм и расписать его фресками с черными монахами. Недавно у него появилось желание заняться дизайном автомобилей и парфюмерии. Он сам не удивляется никаким переменам, происходящим в себе, и готов к реализации любых идей. По мнению Бартенева, невозможного для творческой личности вообще не существует.

Любитель сказок и фэнтези в литературе, комедий — в кинематографе, пения Марлен Дитрих и Мэрилин Монро — в музыке, фейерверков и путешествий — в жизни, Бартенев убежден, что люди на Земле появились только для того, чтобы производить искусство. Может быть, поэтому он чрезвычайно далек от тех распрей, которые кипят нынче в столичной арт-среде. Он творит не ради того, чтобы увеличить толщину своего портфолио, а для того, чтобы материализовать как можно больше собственных положительных эмоций. И даже Париж для него — город воплощенной в архитектуре и скульптуре человеческой радости.